

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ДЕЙСТВИЯ ТОЛКОТТА ПАРСОНСА И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Рассматриваются проблемы «общей теории социальных систем» или системного функционализма Толкотта Парсонса. Определяется базовая дихотомия данной макротемии: «структура – функция», раскрывается содержание основных функций социальной системы, устанавливается значение экстерналистского и интерналистского юридического анализа. Определяются ключевые аспекты полемики Парсонса с теорией правящей элиты Чарльза Миллза. Делается вывод о сущности политической власти как о легитимности в социологическом смысле, определяется масштаб необходимой легитимности власти.

Ключевые слова: теория социальных систем Парсонса, системный функционализм, функции социальной системы, экстерналистский и интерналистский юридический анализ, межсистемное взаимодействие, теория правящей элиты Миллза, легитимность политической власти.

Основатель американской социологии Толкотт Парсонс полагал, что ему удалось найти средний путь между «понимающей социологией», т. е. теорией социального действия Макса Вебера, и позитивистским «социологизмом» Эмиля Дюркгейма, для которого действия тех или иных социальных актеров предзаданы их статусом, социальными ролями, традициями и т. п. Теория Парсонса получила название «общая теория социальных систем», или системный функционализм [1].

Парсонс определяет социальную систему следующим образом: «социальная система состоит из множества индивидуальных акторов, взаимодействующих между собой в ситуации, которая имеет, по крайней мере, физический аспект» [1, с. 5]. Поведение акторов, согласно Парсонсу, определяется тенденцией, направленной на «оптимизацию благодарности», и опосредуется в «терминах системы структурированных и общих символов культуры» [1, с. 6].

Для всякой социальной системы, например системы политической власти, первичными являются ее системные потребности, индивиды же выполняют лишь определенные системные функции. Другими словами, индивид – это лишь функция своего социального статуса, осуществляемого посредством социальной роли, соответствующей этому статусу.

Таким образом, индивиды внутри всякой социальной системы выполняют функцию гомеостазиса, внутреннего равновесия системы. «Статус и роль имеют тенденцию действовать совместно в рамках того, что Парсонс называет связка “статус – роль”» [2, с. 101]. Индивиды в качестве указанных связок заполняют структуру

* © Кучеренко П.А., 2015

Кучеренко Петр Александрович (kpete@mail.ru), руководитель аппарата Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, 103426, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Дмитровка, 26.

различных подсистем общества. До тех пор пока социальные роли исполняются, социальные структуры функционируют гладко.

Социальная теория Парсонса во многом базируется на базовой дихотомии «структура – функция». Категория **структуры** характеризует такие признаки социальной системы, которые можно рассматривать как *константы* в границах допустимой вариативности поведения структурообразующих элементов этой системы. Таким образом, «структура» отвечает за статические характеристики системы, гарантирующие ее «узнаваемость», специализацию и отличие от других социальных систем (например, отличие политической системы от экономической).

Категория **функции**, напротив, отвечает за динамические характеристики социальной системы. Функции и подфункции элементов системы должны обеспечивать интеграцию всех элементов в единое целое, будучи средством достижения баланса между относительно консервативной структурой системы и всегда изменчивой внешней средой, воздействующей на систему.

Наличие *двух* базовых категорий в теории Парсонса приводит к необходимости выбора между ними. Парсонс делает акцент на *функциях*, а не на структуре (отсюда – «системный функционализм»). В значительной степени это можно объяснить тем, что статика есть не что иное, как «замороженная динамика». Соответственно, всякая социальная система, по Парсонсу, существует до тех пор, пока она в состоянии сбалансировать два процесса:

- 1) процесс поддержания внутреннего равновесия системы, т. е. соблюдения базовых константных характеристик системы («гомеостазис»);
- 2) процесс *структурной* перестройки, связанный с постоянным воздействием на систему внешних факторов («метаболизм»).

Указанная фундаментальная проблема между структурной неподвижностью и структурной изменчивостью социальных систем делает необходимым внутрисистемный *механизм контроля*. Контрольные же функции по определению предполагают *иерархическую* структуру социальной системы, где *всякая* «команда» контролирующего органа носит *системный* характер, т. е. в конечном счете направлена как на сохранение, так и на обновление данной социальной системы в целом.

Всякая социальная система, по Парсонсу, выполняет четыре функции:

- 1) функцию поддержания образца (pattern maintenance);
- 2) функцию достижения цели (goal-attainment);
- 3) функцию приспособления, или адаптации (adaptation);
- 4) функцию консолидации, или интеграции (integration).

На примере национальной политической системы (скажем, США) характер этих функций можно объяснить следующим образом: первая функция отвечает за стандартную социализацию будущего *homo politicus*, т. е. гражданина, воспитанного на ценностях «американской демократии», политически ангажированного индивида, всегда готового бороться за свои гражданские права и свободы.

Вторая функция фактически представляет собой допустимую дивергенцию между *фактическим* достижением цели (goal-attainment) и *нормативной* ориентацией на цель (goal-orientation). Можно презюмировать, что фактический уровень управляемости и эффективности публичной власти всегда отстает от нормативных задач государственного управления. Демократический режим вносит дополнительное возмущение в процесс реализации этой функции ввиду наличия альтернативных (и коллидирующих) задач публичного управления у правящей партии и политической оппозиции. Обычно реализация второй функции политической системы происходит в субоптимальном режиме: задача при этом заключается в том, чтобы минимизировать трения между целью поддержания инерционного status quo всего политического механизма (не до-

пустить «раскачивания лодки»), с одной стороны, и целью необходимой инновации политической системы ввиду динамики внешних воздействий — с другой.

Третья функция специализируется на проблеме плюрализма целей. Это обстоятельство порождает конфликт интересов и борьбу за дефицитные ресурсы, в том числе и внутри самой политической системы. Часто не одна, а множество конкурирующих целей должны быть «отставлены» до лучших времен ради достижения одной-единственной цели. При этом цели, которые приносятся в жертву, определяются еще на стадии второй функции. Третья же функция должна обеспечить достижение избранной цели дополнительными ресурсами. Если вторая функция решает по преимуществу *внутренние* задачи политической системы, то третья функция должна обеспечить ее *внешние* задачи. Соответственно, вторая функция сфокусирована на *политическом* диалоге, а третья функция — на *экономической* мобилизации ресурсов в пользу привилегированных целей. Как бы то ни было, третья функция является служебной (дополнительной) по отношению ко второй функции.

Четвертая функция (интеграция) отвечает за слаженную работу всех сегментов или элементов политической системы с целью реализации вышеуказанных функций системы. Здесь политическая система во всем ограничивает себя, т. е. подчиняет себя праву. Четвертую функцию, таким образом, можно рассматривать как экспансию национальной правовой системы в область политической власти. При этом, вероятно, одновременно происходит юридикация политики и политизация права.

Кардинальным вопросом функционального подхода к социальным фактам является вопрос о том, *что* в рамках той или иной системы является функциональным, а *что* нет. Отсюда и второй вопрос: *кто* определяет функциональность системы, или даже так: «На кого эта функциональность “работает”?». Если системный функционализм не имеет критерия для того, чтобы отсортировать функциональность от нефункциональности и особенно от дисфункциональности, то теория Парсонса практически превращается в тавтологию: в этом случае *любую* активность *внутри* определенной социальной подсистемы можно считать «функциональной».

Парсонс позаимствовал категорию функции из антропологии. Речь идет о значимости определенных моделей социальной интеракции для стабильности систем интеракции и поддержания их в рабочем состоянии. В отличие от социологии Маркса теория социальных систем Парсонса носит консервативный, охранительный характер. Многие критики, особенно исследователи гендерных аспектов социальной власти, указывают на то, что теория Парсонса не является инструментом социального анализа. Она носит по преимуществу описательный характер и является апологией социальных институтов, которые *уже* существуют, и только *этих* институтов [3, с. 115–130].

Здесь мы сталкиваемся с базовой апорией любой фундаментальной теории. Ее сформулировал и решил австро-американский математик и логик Курт Гёдель (1906–1978) в двух своих знаменитых теоремах о неполноте формальных систем арифметики. Вторая теорема о неполноте, в частности, доказывает, что ни одна формальная система арифметики не может доказать по крайней мере одну истину, а именно истину о логической последовательности (consistency) самой системы [4].

Экстраполируя выводы Гёделя на кардинальную проблему системного функционализма Парсонса, можно сделать вывод о том, что вопрос о логической совместимости функций элементов любой социальной (под)системы не может быть разрешен «изнутри», т. е. последовательностью аргументов, выводимых из аксиом этой системы. Здесь нам могут помочь два средства юридического анализа, которые разработал оксфордский профессор права Герберт Харт и которые он назвал «экстерналистский» и «интерналистский» подход к праву соответственно [5].

Интерналистский анализ социальных фактов в рамках подсистемы «политика» возможен как минимум при двух предпосылках. Во-первых, наблюдатель принадлежит к инсайдерам этой подсистемы, т. е. является профессиональным политиком или политологом. Во-вторых, такой инсайдер владеет эзотерическим языком (профессиональным жаргоном) и поэтому в состоянии формулировать значимые для интерналистов высказывания.

Экстерналистский анализ — это всегда «взгляд извне». Здесь надо строго различать по крайней мере две вещи. Во-первых, «взгляд извне» — обычный досуг профанов (неспциалистов), которые часто высказывают «мнения» по поводу чего угодно. Такие обыденные высказывания (*quasi — common sense opinions*) могут представлять эмпирическую ценность для социологов, но они, как правило, не имеют теоретического содержания. Во-вторых, «взгляд извне» могут моделировать сами специалисты данной подсистемы, как если бы они были неспециалистами. При этом нередко используется спасительная презумпция т. н. разумного человека (например, как оценил бы данный политический факт просто «гипотетически разумный человек»).

Эта задача не столь проста, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, надо иметь моральную смелость личное (и всегда субъективное) мнение облекать в термины «гипотетически разумного человека», т. е. облекать в объективную форму. Во-вторых, «разумного человека» необходимо отличать от (просто) «рационального индивида» [6]. В-третьих, после того как Джон Ролз разработал концепцию «публичного разума» (*public reason*), неизбежно возникает вопрос о соотношении презумпции «разумного человека» и критерия «публичного разума». Согласно Ролзу, этот критерий действует по принципу «бритвы Оккама», т. е. его задача — исключить из политического дискурса те предположения и мотивации, которыми «разумный человек» вправе руководствоваться в т. н. личных решениях, но которые не могут быть релевантными для общества в целом [7].

Теория Парсонса, как видим, является макротеорией. Соответственно, те или иные социальные феномены могут получить адекватное объяснение лишь в контексте взаимодействия различных социальных подсистем. Например, понятие «власть» раскрывает свое истинно социологическое значение лишь в контексте взаимодействия как минимум четырех социальных подсистем: экономики, политики, права и национальной культуры.

Таким образом, главный медиум политической подсистемы «власть» выполняет для этой подсистемы ту же функцию, что и медиум «деньги» для экономической подсистемы, медиум «закон» для подсистемы права и медиум «влияние» для подсистемы национальной культуры. Все эти медиумы — каждый в рамках своей подсистемы — «отвечают» как за ее функциональность, так и за ее дисфункции.

Одновременно общая теория социальных систем Парсонса позволяет изучать межсистемное взаимодействие, например, как в рамках подсистемы «политика» взаимодействуют медиумы «деньги» и «власть». Ясно, что и то и другое суть символы социального неравенства. Однако позиция Парсонса такова, что определенный уровень неравенства между людьми функционален для общества в целом.

Если взять медиум «власть», то, по мнению Парсонса, здесь само это понятие предполагает момент концентрации преимуществ у властей преобладающих. Эти преимущества могут носить как материальный характер (например, наличие «статусного имущества»), так и идеальный характер (например, легкий доступ к закрытой информации). В рамках общей теории систем Парсонса вознаграждения в виде более высокого дохода, статуса, престижа и властных полномочий просто необходимы для того, чтобы мотивировать талантливое меньшинство выполнять социальные роли, необхо-

димые для функционирования общества в целом, но в то же время требующие недюжинной способности принимать решения и брать на себя ответственность.

Парсонса нередко упрекали в том, что системный функционализм не в состоянии объяснить наличие социальных конфликтов. «Там, где критики больше интересуются деталями, они фокусируют внимание на том, что Парсонс пренебрегает ролью “конфликтных групп” и “ненормативных интересов” в определении социального действия» [8, с. 257]. Именно на примере категории «власть» в полной мере проявляется описательный характер системного функционализма, его неспособность найти внутри себя критерий для отграничения функций политической системы от ее дисфункций.

Впервые развернутый ответ на подобную критику Парсонс предпринял в полемике с теорией правящей элиты Чарльза Миллза [9]. Согласно Миллзу, термин «правящая элита» охватывает «те политические, экономические и военные круги, которые в качестве сложного набора пересекающихся доминирующих и небольших групп участвуют в решениях, имеющих последствия для всей нации» [9, с. 18]. Миллз настаивает на том, что «правящая элита» не совпадает с понятием «политический или правящий класс». Как социальная институция правящая элита постоянно воспроизводится при помощи двух социальных механизмов:

- 1) непрозрачной для аутсайдеров системы коммуникации, что необходимо для формирования группового консенсуса;
- 2) системы групповой индоктринации, которая приводит к формированию единого мировоззрения.

Правящая элита не является закрытым клубом с квазиформальным членством. Ключевую роль в ней играют представители крупнейших национальных корпораций, с которыми считаются независимо от того, занимают они какие-то формальные посты в политической сфере или нет.

Парсонс фактически упрекает Миллза в том, что его концепция политической власти на самом деле является теорией субъекта, или *носителя* политической власти: «для Миллза власть не является средством для реализации функции внутри и в интересах общества, а интерпретируется исключительно как средство для получения того, что одна группа... желает достичь за счет недопущения реализации желаний других групп» [10, с. 221].

По мнению Парсонса, политическая власть по своей природе диффузна в том смысле, что ее нельзя рассматривать по аналогии с «вещью», которую ее собственник удерживает под своим фактическим господством и тем самым препятствует всем остальным обладать той же вещью. Согласно Парсонсу, в феномене политической власти необходимо различать атрибутивный аспект (кому и какая власть «принадлежит») и реляционный аспект (от кого политическая власть исходит и на кого она направлена).

Миллз, по мнению Парсонса, абсолютизирует первый аспект и игнорирует второй аспект политической власти. Более того, атрибутивный аспект политической власти, по Парсонсу, выполняет служебную функцию по отношению к реляционному ее аспекту. Если власти предержавшие не могут рассчитывать на то, что их приказы имеют высокую вероятность быть принятыми подвластными, то указанное отсутствие реляционного аспекта неизбежно ставит под сомнение и атрибутивный аспект власти. Иначе говоря, всякая эффективная власть должна быть в принципе легитимной.

Итак, «власть для Парсонса напрямую производна от (полномочий. — П. К.) государственных органов: последние представляют собой институциональную легитимацию, которая поддерживает власть...» [8, с. 260]. Нелегитимной власти для Парсонса, как видим, не существует. Фактически он бросает вызов господствующему мнению, согласно которому политическая власть в конечном итоге всегда сводима к принуж-

дению. Или, то же самое другими словами, принуждение — это самый эффективный и надежный ресурс политического господства.

С этим Парсонс категорически не согласен: «угрозу (применения. — П. К.) принудительных мер... без легитимации или оправдания вообще нельзя рассматривать как применение власти. Это скорее пограничный случай, когда власть, теряя свой символический характер, растворяется во внутренней инструментальности, направленной на обеспечение желаний, нежели чем обязательств» [11, с. 250].

Итак, сущностью политической власти, по Парсонсу, является легитимность в социологическом плане, а именно, определенный минимум поддержки политики властей предрержащих со стороны подвластных. Здесь Парсонс сужает веберовскую классификацию политического господства, которая, как мы видели, допускает господство, основанное на юридической легальности, а не на социологической легитимности. Критериями масштаба легитимности власти, по Парсонсу, являются:

- 1) наличие у властей предрержащих внятных и прозрачных обязательств;
- 2) их желание, а также способность эти обязательства исполнять.

Отсутствие двух указанных предпосылок лишает власть ее функционального характера и превращает политическую власть в разновидность корпоративной или партикулярной власти. Соответственно, масштабом деградации политической власти является ее переход на методы откровенно принудительного характера.

Концепция политической власти Парсонса, как видим, исходит по крайней мере из двух аксиом, которые отвергаются политической конфликтологией (будь то теория классовой борьбы Маркса или теория правящей элиты Миллза). Речь идет о допущениях Парсонса, что:

- 1) власти предрержащие свои корпоративные интересы, как правило, подчиняют публичным задачам;
- 2) в основе механизма публичной власти лежит принцип доверия.

Нарушение любой из двух аксиом в контексте системного функционализма, по Парсонсу, следует рассматривать не как проявление дисфункций *внутри* национальной политической системы, а как, например, дефекты общественного сознания. Так, всякие проявления (1) коррупции или (2) обмана избирателей и их недоверия властным структурам можно вывести «за скобки» политической подсистемы общества в область социокультурной патологии.

Однако «смена имен» по существу ничего не меняет. Тот факт, что политическую дисфункцию в теории Парсонса передевают в форму социокультурной патологии, не устраняет данную дисфункцию как вполне определенный социальный факт (в духе Эмиля Дюркгейма). В самом деле, если аксиомы Парсонса не только консервативны, но и наивны, если в действительности преобладают *нарушения* этих аксиом, то эти нарушения приобретают уже *институциональный* характер социального факта, фактическую императивность которого не так-то просто игнорировать.

Библиографический список

1. Parsons T. The social system. L.: Routledge & Kegan Paul, 1951.
2. Grabb E.G. Theories of social inequality: classical and contemporary perspectives. 2nd edition. Toronto: Holt, Rinehart and Winston. 1990. 101 p.
3. Johnson M. M. Functionalism and feminism: is estrangement necessary? // Theory on gender / Feminism on theory / ed. by P. England. N. Y.: Aldine de Gruyter, 1993.
4. Dawson John W., Jr. Logical dilemmas: the life and work of Kurt Gudel. A K Peters, Ltd., 2005.
5. Hart H. L.A. The concept of law. 2nd Edition. Oxford: Oxford University Press. 1997.
6. Sibley W. M. The rational and reasonable // Philosophical Review. № 62 (1953).

7. Rawls J. Political liberalism. Columbia: Columbia University Press. 1993.
8. Giddens A. «Power» in the recent writings of Talcott Parsons // *Sociology*. 1968. Vol. 2. 257 p.
9. Mills Ch. W. The power elite. Oxford: Oxford University Press, 1956.
10. Parsons T. The distribution of power in American society // *Structure and process in modern societies*. Free Press, 1960. 221 p.
11. Parsons T. On the concept of political power // *Proc. Amer. Philos. Soc.* 1963. Vol. 107. 250 p.

References

1. Parsons T. The Social System. L., Routledge & Kegan Paul, 1951 [in English].
2. Grabb E.G. Theories of Social Inequality: Classical and Contemporary Perspectives. 2nd edition. Toronto, Holt, Rinehart and Winston, 1990, 101 p. [in English].
3. Johnson M.M. Functionalism and Feminism: Is Estrangement Necessary? in *Theory on Gender / Feminism on Theory*. P. England (Ed.). N.Y., Aldine de Gruyter, 1993, pp. 115–130 [in English].
4. Dawson John W., Jr. Logical Dilemmas: The Life and Work of Kurt Guedel. A K Peters, Ltd., 2005 [in English].
5. Hart H.L.A. The Concept of Law. 2nd Edition. Oxford: Oxford University Press, 1997 [in English].
6. Sibley W.M. The Rational and Reasonable. *Philosophical Review*, 1953, no. 62 [in English].
7. Rawls J. Political Liberalism. Columbia University Press, 1993 [in English].
8. Giddens A. «Power» in the Recent Writings of Talcott Parsons. *Sociology*, Vol. 2, 1968, 257 p. [in English].
9. Mills C.W. The Power Elite. Oxford University Press, 1956 [in English].
10. Parsons T. The Distribution of Power in American Society. *Structure and Process in Modern Societies*. Free Press, 1960, 221 p. [in English].
11. Parsons T. On the concept of political power. *Proc. Amer. Philos. Soc.*, Vol. 107, 1963, 250 p. [in English].

P.A. Kucherenko*

GENERAL THEORY OF ACTION OF TALCOTT PARSONS AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL DOCTRINE

The author considers problems of «general theory of social systems» of Talcott Parsons or systemic functionalism, defines the basic dichotomy of this macro theory: «structure – function», disclosed the contents of the basic functions of social system, the meaning of externalist and internalist legal analysis is set. The author identifies key aspects of the debate between Parsons' theory and the ruling elite theory of Charles Mills. The conclusion about the nature of political authority as a legitimacy in the sociological sense is determined by the scale of necessary legitimacy.

Key words: theory of social systems of Parsons, systemic functionalism, functions of social system, externalist and internalist legal analysis, cross-system interaction, theory of the ruling elite of Mills, legitimacy of political authority.

* *Kucherenko Petr Alexandrovich* (kpete@mail.ru), Kucherenko Petr Alexandrovich, Head of the Office of the Committee of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on Constitutional Legislation and State Building, 26, B. Dmitrovka Street, Moscow, 103426, Russian Federation.